

Т. ПАРСОНС

АМЕРИКАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ О СОЦИОЛОГИИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ*

Глава структурно-функционального направления делится впечатлениями от своей поездки в Советский Союз. Парсонс был приглашен Академией наук СССР на период с 5 по 22 мая 1964 г. Визит состоялся в рамках советско-американской программы культурного обмена. Представители Академии наук запросили американскую сторону о возможной кандидатуре для чтения курса лекций по современной американской социологии. Кандидатура Т. Парсонса получила одобрение АН СССР, и он формально стал гостем Института философии. В сопровождении своей супруги Парсонс пробыл восемь дней в Москве, четыре—в Санкт-Петербурге (тогда — Ленинграде), один день в Киеве и два дня отдыхал в Ялте.

* *Parsons T.* An american impressions of sociology in the Soviet Union // *Amer. Sociol. Rev.* 1965. V. 30. N 1. P. 121—125.

Парсонс указывает, что его профессиональные контакты проходили чаще в форме семинаров и личных встреч, нежели традиционных лекций, как это требовалось договором. Обычно собирались группы от 10 до 35—40 человек и в непринужденной беседе обсуждали проблемы развития современной социологии. Какие впечатления вынес Т. Парсонс от своей поездки по СССР?

Поначалу он общался с аудиторией через переводчика. Атмосфера была «относительно нормальной». Контакты облегчались тем, что среди присутствовавших многие как-то знали английский язык и ассистировали переводчику. Некоторые задавали вопросы на английском, а затем переводили их на русский, так чтобы было понятно коллегам.

С публичной лекцией Парсонсу довелось выступить всего один раз — на философском факультете Ленинградского университета. Присутствовало, свидетельствует автор, около 200 человек, главным образом студенты. После обсуждения теоретических вопросов современной социологии стихийно возник свободный обмен мнениями, продолжавшийся более часа. Парсонс не сообщает, о чем задавались вопросы и как он на них отвечал.

За редким исключением основная часть контактов Парсонса ограничивалась общением с официальными представителями Академии наук и философского факультета МГУ. Только в Ленинграде два или три раза удалось провести частные беседы.

Говоря о развитии социологии в СССР, Парсонс отмечает, что она привлекает на Западе все большее внимание. Впервые советские ученые приняли участие в заседаниях Международной социологической ассоциации в 1956 г. (Амстердам), после чего появлялись за рубежом в 1959 и 1962 гг. А первые неформальные контакты под эгидой ЮНЕСКО наблюдались в 1958 г. (Москва). Единственный из американцев, кто в те годы посетил Москву, — Эвертт С. Хьюг. Более широкими были контакты с западноевропейскими социологами. В Москву приезжали Раймонд Арон, Джорж Фридман, Т.Маршалл и Т. Боттомор. В 1961 г. Советский Союз навестила группа американских специалистов по поведенческим наукам. Среди них были два социолога — Роберт Мертон и Генри Риккен-старший.

Совершали поездки за рубеж и советские ученые. В 1962 г. Ю.А. Замошкин посетил Нью-Йорк и два месяца пробыл в штате Колумбия. В том же году А.А. Зворыкин в течение двух месяцев находился в Чикагском университете. Если исключить подобные контакты, то визит Парсонса в СССР явился первой официальной поездкой американского социолога в качестве индивидуально приглашенного лектора.

Любая поездка за рубеж предполагает предварительное ознакомление с литературой. К сожалению, считает автор, очень мало кто из американских социологов владел русским языком, поэтому о советской социологии приходилось узнавать из вторых рук. До 1964 г. на английский было переведено всего несколько статей советских социологов, они циркулировали в частных публикациях.

Накануне поездки Парсонс, как он сам признается, целый месяц читал советологическую литературу, например, монографию Г. Фишера «Новая социология в Советском Союзе», изданную Корнельским университетом. В ней содержался аналитический обзор советских публикаций в области социологии и личные впечатления автора.

Специфика советской социологии, особенности ее организационного механизма состоят в том, что подавляющая часть исследований проводится в академических институтах, а не в университетских департаментах, как в США. Центр социологической мысли середины 60-х годов — Институт философии АН СССР. Сектор конкретно-социологических исследований в нем возглавлял Г.В. Осипов. Американскому гостю сообщили, что скоро он перерастет в самостоятельный академический институт. (Напомним, что открыт он был только через четыре года — в 1968 г.) Точно также независимо от «Вопросов философии» будет существовать социологический журнал — официальный орган Академии наук. (Журнал «Социологические исследования» учрежден в 1974 г., т.е. через 10 лет после визита Т. Парсонса.)

В Ленинграде Институт социальных исследований придан философскому факультету местного университета. К сожалению, Парсонс не смог встретиться с его директором В.А. Ядовым¹, который в тот момент находился в Англии. Ситуация в Киеве, по оценке ав-

¹ См. пояснения в Послесловии.

тора, более благоприятна для развития социологии, чем в Москве, но организационная работа здесь не столь масштабна. В московском Институте философии проводилось достаточно много исследований, но Парсонса больше поразили, как он выражался, высокоинтеллектуальные дискуссии о марксизме-ленинизме, т.е. философии исторического материализма.

Произвела на него впечатление и ярко выраженная практическая ориентация, на первый взгляд, чисто теоретических дисциплин — естествознания, экономики, психологии и даже искусства. Но странной была подобная ориентация: она выражалась в формулах социалистического реализма. Социологов призывали активно служить строительству нового общества. Отсюда гипертрофированный акцент на прикладные функции социологии. Акцент даже больший, чем западных странах.

Ничего нового в этом Парсонс не увидел. Неожиданным было другое. Предметная область социологии находилась как бы в зазоре между экономикой, психологией и антропологией. Иначе говоря, социологи изучали то, что не успели охватить представители этих наук. Основная формула, в рамках которой проводятся в СССР эмпирические исследования, звучит примерно так: марксистская теория — единственно правильное учение, освещающее мировой путь строительству коммунизма. Все это может быть и так, полагает Т. Парсонс, но ведь существуют и конкретные проблемы «строительства», которые никак не могли предвидеть Маркс, Энгельс и Ленин.

Основная проблематика эмпирических и прикладных исследований в Советском Союзе связана с социальным планированием. Поэтому главное, чему уделяют внимание социологи, — изучение организации труда и разработка специальных рекомендаций по оптимизации его производительности. На втором месте стоят вопросы института семьи и эффективности средств массовой коммуникации. Самое яркое впечатление, которое вынес Парсонс из знакомства с эмпирическими исследованиями в СССР, он формулирует так: к их развитию здесь относятся очень серьезно, а к методике и технике предъявляют высокие требования. Причем, совершенно ясно, что со времени посещения страны Мертоном и Риккменом в 1961 г. именно в этой области произошел значительный прогресс. «Быстро растет число публикаций, — пишет Т. Парсонс, — причем, лингвистическая форма выражения материала гораздо лучше, чем я мог ожидать» (р. 123).

При встречах советских социологов больше всего интересовала практика эмпирических исследований в США. Оказалось, что они гораздо лучше знают зарубежную литературу в данной области, чем можно было предполагать. Превосходный подбор западной социологической литературы Т. Парсонс обнаружил в Центральной библиотеке АН СССР. Хотя в Москве основное внимание он уделил освещению эмпирических, а в Ленинграде — теоретических вопросов, все советские социологи высказали одинаковую приверженность марксизму. Соответственно очень критически они были настроены в отношении американской социологии. На это обратил внимание, делает примечание Т. Парсонс, А. Кассоф. Многие из тех, кого он цитировал в своей статье (Константинов, Осипов, Замошкин, Андреева, Новиков) принимали участие в беседе и с Парсонсом.

Несмотря на ясно декларируемую приверженность марксизму, вспоминает Парсонс, я услышал всего одну хорошо аргументированную речь в защиту исторического метода. Ее произнес на превосходном английском И.С. Кон из Института социальных исследований. Чем больше участники дискуссий увлекались теоретическими вопросами, тем больше обнаруживались идеологические расхождения. Взаимопонимание достигалось в методической области, при обсуждении стандартов надежности эмпирической информации, техники сбора и анализа данных.

Теоретические расхождения касались темы социальных изменений, в частности парсоновской концепции органической и социокультурной эволюции. В вопросе об историческом методе различие во взглядах объяснялось тем, что советские социологи ориентировались на Гегеля, а западные — на М. Вебера.

Не менее активно обсуждались проблемы социальной психологии, в частности, социальные установки людей. В США значительная часть эмпирических исследований малых групп относится к сфере социальной психологии. Распространенной темой исследований является здесь производительность труда и установки работников, выражающие состояние массового сознания.

С советскими социологами Парсонс обсуждал также влияние экономических и политических факторов на социальное развитие. Когда он подчеркивал приоритетную роль экономических факторов, с ним соглашались. Стоило же ему заикнуться о негативном воздействии политической партии, как встречал резкое возражение. Но ведь совершенно очевидно, считает Парсонс, что политическая партия в такой же степени прибегает к навязыванию своих установок массовому сознанию как средству институционализации управленческой власти, в какой заинтересованы в этом предприниматели, осуществляющие на промышленном предприятии контроль за поведением работников.

В заключение Парсонс высказывает вполне оптимистический прогноз. Научная дискуссия между советскими и американскими социологами вполне возможна. Взаимоотношения достигли уже той точки, когда практически преодолены основные трудности и препятствия, хотя идеологические и культурные различия могут сохраняться еще долгое время. «Все, кто, как и я, верит в то, что истинная наука не знает национальных, религиозных и идеологических границ, будет приветствовать развитие социологии в Советском Союзе» (р. 125).

Опросные исследования и массовые установки в Восточной Европе и Советском Союзе*

В объемном труде (565 страниц) анализируется практика эмпирических исследований в восточноевропейских странах. СССР посвящен один из разделов книги.

На характер и особенности становления советской социологии в последние 10—15 лет повлияли политические и социальные изменения. Возникнув в недрах философии, социология официально институционализировалась в конце 60-х годов, когда была легитимирована техника опросов, а социологи получили поддержку партии и правительства: Советская социологическая ассоциация основана в 1958 г., Институт конкретных социальных исследований возник в 1968 г., а в 1972 г. он переименован в Институт социологических исследований (ныне Институт социологии).

Политические ограничения на социологические исследования стали более или менее жесткими после 1971 г. Однако даже в рамках цензурных запретов ширилось число эмпирических опросов. В различных формах ими занимались более 460 учреждений: академии наук, университеты, социологические центры, партийные организации, промышленные предприятия. В целом исследования институционально и регионально были децентрализованы, хотя основные силы специалистов сконцентрированы в Москве.

Касаясь содержания и роли социологии, авторы книги пишут о том, что идеологическая функция опроса заключается в распространении полученных данных через средства массовой информации. Эффективность опросных исследований как политического инструмента ограничена четырьмя основными факторами:

— большинство исследований, проведенных за последние десять лет, сосредоточено главным образом на региональных выборах;

— ответы на анкету потенциально подвержены искажению. Формулировка вопросов такова, что в них уже содержится ответ (скрытая подсказка). Еще один источник искажений — страх исследователя перед политической цензурой;

— гетерогенность, неуравновешенность качества анализа данных, которые, во-первых, уменьшают уровень устойчивости инструментария, во-вторых, снижают сопоставимость результатов исследований;

— политизация профессии социолога, его ангажированность во властные структуры и связанные с этим ограничения права выбора тематики исследования.

Попытки политического руководства страны как-то централизовать социологические исследования, по всей видимости, опережают его стремление минимизировать или преодолеть первое и третье ограничения. Хотя мировой опыт доказывает обратное: для получения надежных данных исследовательский процесс должен быть изолирован от политического давления.

* Survey Research and Public Attitudes in Eastern Europe and the Soviet Union / Ed. by W.A. Welsh. New York: Pergamon Press, 1981.

Качество методического обеспечения программы эмпирических исследований в Советском Союзе сильно варьируется и зависит от учреждения, которое их организует, и от того, кто проводит исследование. Весьма неоднородно и методическое обеспечение, оно варьируется от составления простейших таблиц до применения технически изощренных приемов анализа данных. Невозможно проверить качество исследования и его результатов, так как информация о методологическом обосновании и программе исследования собирается крайне редко. В научных журналах и сборниках публикуются далеко не все результаты. Хотя в 80-е годы предпринимаются гораздо большие усилия восполнить недостающую информацию, чем в 60-е.

«Исследовательский истеблишмент» в СССР достаточно велик, но 55% советских социологов не имеют базового образования ни по социологии, ни по близким ей областям: философии, экономике, компьютерной инженерии. Наиболее качественные исследования проводились в Москве, но большинство из них — этнографами и демографами, а не социологами.

Из бесед с советскими специалистами выяснилось, что лишь половина социальных исследований опубликована. Советские издания и редакторы профессиональных журналов повышают контроль за качеством исследований в той же степени, как и в других странах.

В индустриальной социологии доминируют две темы: 1) высокий уровень текучести кадров, 2) социальные проблемы автоматизации. Они тесно связаны с вопросами удовлетворенности трудом, которые активно обсуждаются в советской литературе с 60-х годов. Большинство авторов сходится во мнении, что удовлетворенный рабочий — это всегда более продуктивный рабочий. Продуктивность измеряется либо в терминах выработки, либо в терминах профессиональной стабильности.

Исследования текучести кадров сфокусированы на определенном контингенте — молодых рабочих, а проблема автоматизации затрагивает отношения на промышленном предприятии. Обе темы характеризуются ярко выраженной прагматической ориентацией, поскольку увязаны с повседневными нуждами производства.

В книге освещаются исследования Н.В. Ивановой, Л.И. Лобановой, А.Е. Котляр, М.И. Талала, Н.А. Свиридова, Ю.К. Иванова, В.Д. Патрушева — по текучести кадров, а также В.В. Кривневич, М.Н. Ночевника, В.И. Изения, В.А. Ядова — по вопросам отношений между руководителями и подчиненными, влияния автоматизации на содержание труда и социально-психологическому профилю инженера. Каждому исследованию посвящен краткий реферат, но без глубокого анализа.

В заключение авторы обзора приходят к выводу о том, что в советской социологии эмпирические исследования количественно расширились начиная с 60-х годов, несмотря на политические ограничения начала 70-х. К 80-м годам качество исследований повысилось, опубликованы лучшие из них. Наиболее ценные работы созданы в ИСИ АН СССР и ряде других учреждений, географически исследования неравномерно распределены по территории страны.

Послесловие и комментарий

Взгляд со стороны всегда полезен тем, кто хочет узнать правдивую оценку состояния социологии. В США, судя по этим и другим публикациям, гораздо больше и лучше знают историю советской социологии, чем мы сами. Обстоятельных исследований советского периода развития социологии в стране практически нет. В то же время в Америке издаются сотни и тысячи работ, посвященных анализу американской социологии.

В отличие от США мало у нас и учебников по социологии, которые всегда выполняют функцию экспертной оценки эмпирических и теоретических результатов науки, каталогизации ее достижений. Стоит обратить внимание и на тот факт, что советских публикаций о зарубежной социологии неисчислимо больше, чем советских публикаций о советской социологии. Работы по зарубежной социологии, конечно, несут позитивную нагрузку, восполняя дефицит информации. Но, во-первых, их качество в большинстве случаев настолько низкое, что получается скорее искаженное представление о западной социологии. Во-вторых, гипертрофированно большое количество критических работ на фоне практиче-

ского отсутствия переводных создает феномен «вторичности научного знания». Профессиональное становление социологов длительное время происходило как бы из вторых рук, чаще всего по недобросовестным переложениям оригинала. В результате еще больше усиливалась изоляция от научного сообщества и затруднялась культурная интеграция с мировыми университетскими центрами.

Публикуемые работы охватывают период приблизительно в 20 лет. Временной отрезок вполне достаточный, чтобы увидеть те изменения, которые произошли в советской социологии. Статьи А. Кассофа и Т. Парсонса освещают советскую социологию начала 60-х годов, а коллективная монография — конец 70-х и начало 80-х. Оказывается, что за такой длительный период мало что изменилось: научный поиск по-прежнему был зажат в идеологических тисках и это не могло не сказаться на качестве программ и опросного инструментария. Американские специалисты отметили любопытную подробность, на которую мы мало обращали внимание: после 1971 г. политический диктат не ослаб, а усилился. Хотя логичнее было бы ожидать совсем иной тенденции: после хрущевской оттепели предполагалось углубление процессов демократизации общества и науки.

О причинах поворота вправо зарубежные специалисты ничего не пишут. Видимо, нашим историкам еще придется разобраться в данном феномене. Но вот примечательный факт. Именно после 1971 г. в Институте социологии — головном подразделении отечественной науки — происходит серьезная перетасовка кадров. Институт покидают наиболее прогрессивные и компетентные специалисты, прекращается открытое обсуждение социальных и политических проблем, за деятельностью института устанавливается жесткий контроль ЦК КПСС.

Из трех публикуемых работ наибольший интерес представляют, пожалуй, впечатления Т. Парсонса. И не только потому, что мнение авторитетного ученого всегда ценится выше мнения рядового: оно обладает наибольшим рейтингом — так принято за рубежом — на шкале экспертных оценок. Оно привлекательно своей объективностью, стремлением без идеологических шор и ненависти разобраться в существе происходящего. Впечатления Парсонса о поездке в СССР приобретают самостоятельную ценность также в качестве архивного материала, свидетельства очевидца. В нем названы конкретные имена, даты, события. Для историков они ценны своей фактографичностью.

К сожалению, Т. Парсонс допустил ряд неточностей. Так, например, он пишет об Институте социальных исследований в Ленинграде, где директором якобы был В.А. Ядов. На самом же деле он назывался Институтом комплексных социальных исследований, а В.А. Ядов — это редакция уточнила в личной беседе с ним, — являлся в то время заведующим социологической лабораторией.

И еще одна подробность. Она выяснилась из беседы с профессором Ю.Н. Давыдовым. Во время своего визита (правда, Ю.Н. Давыдов точно не помнит, какого именно, может быть, и второго, если таковой имел место) Т. Парсонс побывал в Институте международного рабочего движения АН СССР и встретился с сотрудниками сектора, возглавлявшегося Ю. А. Замошкиным. Парсонс сделал доклад о социальной структуре, который, как вспоминает Ю.Н. Давыдов, был ужасно скучным. Выступающему задавали множество вопросов, но оживился он только в связи с упоминанием имени М. Вебера. Наиболее активным участником беседы была П.П. Гайденко, которая тогда занималась Марксом и Вебером. В память о встрече Парсонс подарил ей свою книгу. В беседе принимали участие Ю.Н. Давыдов, М.К. Мамардашвили, Ю.А. Замошкин и другие сотрудники сектора.

Интересными представляются размышления А. Кассофа. Это достаточно авторитетное имя в зарубежной историографии советской социологии, с его мнением считаются многие, в том числе и Т. Парсонс. Третий материал интересен скорее своей аналитической частью, где высказаны общие оценки опросной социологии в СССР. Однако рассмотрение конкретных исследований весьма посредственное, имена подобраны не самым лучшим образом. Так, упоминаются исследования М.И. Талалая, Н.В. Ивановой, Л.И. Лобановой, не сделавших погоды в науке, но не рассматриваются исследования ленинградской школы (О.И. Шкаратан), московской (Г.В. Осипов), новосибирской (Т.И. Заславская), таллинской (М.Х. Титма), которые внесли фундаментальный вклад в развитие индустриальной социологии. Остались вне поля зрения и практические разработки заводских социоло-

гов, составляющие, об этом теперь можно судить вполне определенно, «золотой фонд» не только отечественной, но и зарубежной прикладной социологии.

Разумеется, о недочетах как и о достоинствах можно говорить очень много. Но не в этом виделась цель публикации. Важно показать, как нас оценивают за рубежом, что они ставят выше и что осуждают. Ведь часто мы сами не ценим то, на что обращают в первую очередь внимание иностранцы, и всячески раздуваем то, что с точки зрения мировой науки не имеет никакого значения.

Материалы подготовил А.И. ЖЕЛТУХИН